

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

И.М. Мацкевич*

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНОГО ТИПА
(нематематическое регулирование)

Аннотация. В статье рассматриваются различные подходы к изучению личности преступника. Анализируются антропологические, биологические, социальные, психологические объяснения преступного поведения человека. Дается оригинальный вариант типа личности насильственного преступника. Доказывается, что механизм правопослушного и противоправного поведения одинаков. Утверждается, что любой человек способен совершить преступление. Отвратить от совершения преступления может только общество, которое и несёт основную вину за каждого преступника.

Ключевые слова: юриспруденция, преступный тип, механизм формирования личности, должная мера запретов, личность преступника, преступное поведение, правопослушное поведение, криминальная приватизация, механизм поведения человека, психологическая подструктура личности.

Учёные разных исторических эпох, разных мировоззрений, представляющие разные общественно-экономические формации в течение последних 200 лет пытаются найти ответ на вопрос: почему одни люди совершают преступления, а другие — нет.

Много разных споров по этому поводу прошло и, кажется, что ответ где-то рядом, что вот-вот кто-то, наконец, сбросит пелену с наших глаз и скажет: я знаю!

Но, нет. Самым невероятным образом тихий, незаметный Андрей Чикатило, семьянин и на вид тщедушный стареющий мужичок оказался жестоким серийным убийцей-изувером. Витебский убийца Михасевич мечтал, что о нем снимут фильм, и он, словно Герострат¹,

¹ Герострат – молодой грек, проживавший в Эфесе, который 21 июля 356 г. до н.э. поджёг храм Артемиды.

войдёт в историю с чёрного хода. Солоник бредил идеей, что его образ романтического злодея когда-нибудь будет играть сам Никита Михалков. Несформировавшийся подросток со смешной фамилией Пичужкин сделал убийства смыслом своей никчемной жизни, заявив, что первое убийство, как и первая любовь, не забывается.

Корыстные преступники, с которыми сталкивался я, мнят из себя авантюристов-романтиков, не к месту употребляя замеча-

Будучи задержанным, под пытками сознался, что сделал это только для того, чтобы его имя осталось в истории. Наказанием ему стала не только смертная казнь, но и приказ о полном забвении его имени. Древнегреческий историк Феопомп тем не менее в своих трудах упомянул Герострата как человека, готового совершить любую подлость только для того, чтобы о нём помнили потомки.

© Мацкевич Игорь Михайлович

* Доктор юридических наук, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права, проректор по научной работе Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

[valentina-snegireva@yandex.ru]

123995, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

При написании статьи использовалась справочно-консультативная правовая система «КонсультантПлюс»

тельные слова Леонида Дербенёва, написанные им к известной песни из кинофильма «Земля Санникова»: «Призрачно всё в этом мире бушующем, Есть только миг, за него и держись». В их устах эти слова приобретают совершенно иной смысл: наплевать на всё, после нас хоть потоп. Они как будто приходят в эту жизнь, чтобы своим примером показать бессмысленность самого существования человека.

И все эти люди живут по соседству с обычными добропорядочными гражданами и посмеиваются над ними, говоря, что такая жизнь скучна. Сами добропорядочные граждане предстают, с их слов, людьми серыми, невидимыми, которые рождаются не для того, чтобы прожить яркую интересную жизнь, а для того, чтобы прозябать и умереть в неизвестности.

При этом почти все преступники, я бы сказал, маниакально сентиментальны, но их сентиментальность сродни сентиментальности Гитлера, который души не чаял в своей собаке и отправлял миллионы людей, в том числе и немцев, на верную и ужасную смерть. Гитлер со своими бредовыми идеями возомнил себя богом (скорее дьяволом) на земле и спрашивал у Гудериана, разве Фридрих Великий не посылал тысячи солдат в бой на верную смерть, а почему же его Гитлера упрекают в том же самом. Обладая ярко выраженными никрофильными чертами, Гитлер в то же время был вегетарианцем, не ел мясного, вполне возможно, из-за запаха свежего мяса и крови, который пугал его со времен Первой мировой войны. Он стремился к смерти и одновременно боялся её, имел очевидные психологические проблемы, связанные с интимной жизнью, и при этом рисовал пейзажи, умел наслаждаться музыкой и рядом со своими друзьями (были ли у него настоящие друзья?) был чуток и заботлив. Но если бы у сентиментального Гитлера была атомная бомба, он неминуемо её применил бы. В своем стремлении достичь своих античеловеческих целей он вполне логично был готов уничтожить всё человечество.

Многие из преступников добры, но их доброты выборочна и не мешает им отнимать последнее у простых граждан, нападать на пожилых людей сзади и бить их по голове молотком, красть детей и требовать за них выкуп, а в случае его неполучения спокойно убивать их.

Так, кто же они? Люди или не люди? Это особая категория перерожденцев или это затаившиеся среди нас звери, или, страшно об этом даже подумать, звери, которые сидят

в каждом из нас и до поры до времени ждут своего часа, чтобы вырваться на свободу, как только мы дадим им для этого повод?

В своё время, как известно, Чезаре Ломброзо дал, как он утверждал, окончательный ответ на этот вопрос: «Мы различаем именно атактистические преступления, грубейшими примерами которых являются, убийство, воровство и изнасилование, и эволюционные, отличающиеся от предыдущих более тонкими приемами, основанными не на силе, а на хитрости. Преступлениям первого вида подвержено небольшое число лиц, роковым образом предрасположенных к ним, а преступления второго типа мы наблюдаем у всех тех, кто не обладает достаточно уравновешенным характером, чтобы противостоять окружающим вредным влияниям»².

Другими словами, Ломброзо делил преступников на прирождённых, которые обязательно совершат преступление и воспитательные и социальные превентивные меры к которым не применимы. (При этом эти преступники рождены для совершения самых страшных и тяжких преступлений). И на преступников, которые могут никогда не совершить преступления, а если их совершают, то либо под влиянием внешних случайных факторов, либо из-за плохого воспитания. Разумеется, я упрощаю взгляды Ломброзо, но главным здесь является то, что есть прирожденные преступники, т.е. это — не люди в привычном для обывателя понимании, или скорее не те люди, которые могут жить в человеческом обществе.

В своей первой известной работе (Гениальность и помешательство — *Genio e follia*: Milano, 1864) Ломброзо фактически приравнивал всех революционеров к лицам с преступными наклонностями. Впрочем, справедливости ради надо сказать, что к ним же он приравнивал и знаменитых ученых, писателей и артистов.

Его вывод о наличии преступного человека взбудоражил всю общественность, научную, в том числе. Вызванное им и его учениками, в особенности Рафаэлем Гарофало (*Garofalo* — 1851–1934) и Энрико Ферри (*Ferri* — 1856–1929), движение научной мысли привело к осознанию необходимости пересмотра оснований науки уголовного права, а также устоявшихся и принятых в качестве аксиомы правил отправления правосудия. Кстати, с тех пор, несмотря на выводы и Ломброзо, и других учёных, как его последователей, так и его противников, о том,

² Ломброзо Ч. Преступный человек М. Мидгард, 2005. С. 44.

что приговор суда не может определяться только судьей, который на разных людей надевает одинаковые формальные одежды юридической нормы, ничего в этом вопросе не изменилось. Мнение представителей медицины для суда является определяющим только в случае установления невменяемости подсудимого, да и то, как говорится, в этом вопросе тоже могут быть нюансы.

О том, насколько Ломброзо поразил учёный мир, можно судить хотя бы по тому, что криминальная антропология, создание которой он провозгласил, сделалась предметом дискуссии на трёх международных конгрессах криминалистов, собиравшихся в Риме (1885 г.), Париже (1889 г.) и Брюсселе (1892 г.). Четвёртый конгресс было предположено собрать в Женеве в 1896 г. На нём антропология не была доминирующей дисциплиной, поскольку на повестке дня стояла дискуссия по обширной литературе по разным отраслям знания. Но тем не менее вопросы криминальной антропологии обсуждались, хотя сам Ломброзо, в том числе под влиянием многочисленной критики, существенно пересмотрел свои взгляды, признавая большое значение влияния социальных факторов на становление личности преступного типа.

Итак, Ломброзо настаивал, что есть врожденные преступники. Но возникает вопрос: приближает ли нас эта теория хотя бы на шаг к разгадке главной загадки криминологии и существования человеческой цивилизации — почему одни люди совершают преступления, а другие всё-таки нет? Рискну предположить, что даже среди тех лиц, которые, как бы маниакально не были предрасположены к совершению тяжких преступлений (в том числе и по психологическим и психиатрическим особенностям их личности), найдётся немало людей, которые никогда, в силу разных причин, не совершат насилия над другими людьми. Почему они этого не сделают — не менее сложный вопрос, чем тот, который стоит в начале. Наверное, играют роль сдерживающие социальные факторы, в том числе страх перед уголовным наказанием и общественным осуждением. Но только ли это?

Может быть, мы сможем ответить на поставленные вопросы, если обратимся к психологам. Так, В.Н. Курташев не видит принципиальной разницы в механизме поведения человека, будь он преступником или законопослушным гражданином. Психический (социально-психологический) механизм с формальной точки зрения, по его мнению, является одинаковым как для правомерной, так и для правонарушительной

деятельности. Разными могут быть их содержательные свойства и элементы, структуры форм выражения и функционирования, но механизм — един. Например, психический механизм юридической деятельности (поведения) людей в правовой системе общества включает следующие блоки: а) сбор и обработку фактической и правовой информации; б) мотивационный; в) программно-целевой (включая прогнозы); г) энергетический (внимание, воля); д) личный опыт (способности и мастерство); е) оценочный; ж) блок принятия рационального решения и его реализации. Но все эти блоки также присутствуют и в противоправном механизме деятельности. При этом их изучение позволяет выявить соответствующие дефекты и погрешности в механизме поведения и может быть положено в основу целенаправленного воздействия на отдельные стороны и параметры позитивного правового поведения путём соответствующей организации осознанного и подсознательного регулирования деятельности людей, их коллективов и организаций³.

Таким образом, выходит, что личности криминального типа не существует. Всё дело в социальной организации общественного бытия. Чем оно выше, тем ниже уровень преступности. Но тут же возникает другой вопрос, почему же даже при самом высоком уровне организации человеческого сообщества преступления всё-таки совершаются? И наступит ли когда-нибудь такая организация общества, при которой преступления сведутся к эксцессам, как об этом говорил В.И. Ленин и другие марксисты?⁴ Помню, как на экзамене в конце 1980-х годов строгий профессор спросил меня, что нужно сделать, чтобы люди перестали воровать. Я пустился в долгие размышления, пытаюсь объяснить сложную структуру формирования преступного поведения, но был остановлен заявлением экзаменатора, что я слишком всё усложняю. В обществе, в котором будет изобилие товаров, не будет необходимости в воровстве. Разумеется, с экзаменаторами спорить не принято, но даже при выходе из аудитории я не смог ответить себе

³ Курташев В.Н. Психологический механизм юридической деятельности (личностный аспект). Ярославль, 2010. С. 23–24.

⁴ Незадолго перед Октябрьской революцией Ленин, рассуждая о будущем устройстве социалистического общества, говорил о том, чем будут в самом совершенном человеческом обществе преступления: «...мы не утописты и не отрицаем возможности и неизбежности эксцессов отдельных лиц, а равно необходимости подавлять такие эксцессы». Ленин В.И. Государство и революция // Полное собр. соч. Т. 33. С. 89–90.

на не заданный встречный вопрос профессору: почему же в таком случае, США, которые давно провозгласили себя обществом потребителей, где потребитель — царь и бог, не могут справиться с потоком преступности? Нет, был уверен я тогда, и так же уверен сейчас, — не всё так просто.

В.Н. Кудрявцев говорил: «Общественные противоречия неизбежно сказываются на личности, формируют антиобщественный образ жизни, различные взгляды и мотивы поведения»⁵. Особенно печально, что под давлением внешних обстоятельств человека заставляют многократно менять свои взгляды и убеждения, что приводит к низкому некритическому восприятию самого себя. Уже не человек властвует над ситуацией, а ситуация властвует над ним. Произошедшие в 1990-х годах перемены, помимо их революционной губительной сущности, включая варварский криминальный передел собственности, стыдливо прикрываемый пустым словом «приватизация», страшны тем, что в памяти целого поколения осталось то, как люди вынуждены были в целях выживания отказываться от тех идей, которые они проповедовали, от тех идеалов, которым они служили, от тех основополагающих принципов справедливости, добра и зла, которые им внушали с детства. При этом одновременно с развенчиванием прежних идеалов взамен предлагался идеал мифической рыночной экономики как некоего экономического фетиша и идеал обогащения любой ценой. Этот процесс протекал тяжело для всех слоев общества, но особенно тяжело для людей, по закону стоящих на страже Родины, которых унизили и морально и материально, а многих просто выбросили на улицу. Не случайно так много самоубийств было среди военнослужащих различных министерств и ведомств. До сих пор стыдливо замалчиваются случаи, когда офицеры, не в силах понять и принять происходящие изменения, расстреливали из табельного пистолета уставы и законы, по которым служили и по которым присягали, а последнюю пулю пускали себе в голову. Все эти процессы носят характер социально-общественный, и они напрямую влияли и, я убежден, ещё долго будут влиять на рост преступности в стране. Никакие разговоры о том, что несправедливую приватизацию нельзя пересматривать, не изменят того простого факта, что большинство нынешних российских миллионеров получили соб-

ственность не только несправедливо (потому что не приложили к этому никакого труда), но и незаконно. Соответственно, как можно признать их все последующие действия законными?

Я убежден, что та криминальная приватизация должна быть пересмотрена. Обществу должен быть подан очевидный сигнал — несправедливость не имеет сроков давности, незаконные действия должны быть, так или иначе, наказаны, а их последствия, исправлены. Это не означает, что надо всех осудить, но мне представляется правильным, что люди, незаконно получившие в собственность предприятия, должны возместить обществу понесённые убытки. Институт реституции (от лат. *restitutio* — восстановление) известен со времён римского права и служит инструментом исправления неправильных и незаконно принятых решений. И потом, пересмотр приватизации это пересмотр её итогов в отношении всего сотни далеко не самых обездоленных людей, которые, строго говоря, и до ее начала не бедствовали.

Меня и других обычных людей пугают, что в результате пересмотра итогов приватизации произойдёт революция. Ой ли! Если сотня миллиардеров в исчислении в долларах США, которые получили огромный «кусочек» государственной собственности только потому, что были детьми своих высокопоставленных функционеров или потому, что оказались в час «икс» в нужном месте, станут беднее на несколько миллионов, то от этого никакой революции не будет. Важно другое, чтобы полученные обществом таким образом деньги не были незаконным образом присвоены людьми, оказавшимися в другой час «икс» в другом нужном месте.

Казалось бы, в очередной раз мы убеждаемся в главенствующей роли социальных факторов при превращении человека в преступника. Но почему же в таком случае человек не может подняться над ситуацией? Ведь он осознаёт своё место в этом мире. Тем более получается нелогично. Человек понимает, что совершает неблагоприятный поступок, совершает преступление, обусловленное социальными факторами, которые он тоже осознает, но не может остановиться. Что-то тут всё равно не складывается. Может быть, биологические факторы мы рано сбросили со счетов, и идея Ломброзо об атавизме преступников, которые как бы отстали в своем эволюционном развитии от всего человечества, следует трансформировать применительно к современным условиям и взять на вооружение?

⁵ Кудрявцев В.Н. Борьба мотивов в преступном поведении. М.: НОРМА, 2007. С. 35.

В.Н. Кудрявцев полагал возможным отнести к биологическим факторам, влияющим на формирование личности, в том числе противоправной личности, следующие: а) черты характера; б) тип нервной системы; в) силу процессов возбуждения и торможения; г) склонность к эмоциональным состояниям (гнев, страх, обида и т.п.). С его точки зрения в группу риска должны входить люди, которые находятся в критическом состоянии и могут при определенных условиях совершить преступление. Среди факторов такого риска он в первую очередь называл пьянство, наркоманию, игроманию, склонность к конфликтам, отсутствие семьи, сомнительные знакомства, склонность к физическому насилию и т.д. Исходя из этого, он полагал, что на индивидуальном психологическом уровне основная причина преступления — это неблагоприятное или отрицательное взаимодействие несоциализированной личности и криминальной ситуации, криминальной среды⁶.

Но почему же в таком случае тем не менее не все люди, попадающие в аналогичные кризисные ситуации, совершают преступления и почему есть люди, которые сознательно создают ситуации, которые облегчают им совершение преступления. Я не говорю о патологических явлениях, к которым можно отнести kleptomанию, и даже не о серийных убийцах, многие из которых (для меня это очевидно) психически не здоровы. Речь идет о преступниках обычных.

Если попытаться разобраться с психологической составляющей поведения человека и увязать её с социальными факторами, то можно остановиться на следующих моментах. Во-первых, как известно, свойства личности определяются двумя главными подструктурами: а) психологической, в которой проявляется личная индивидуальность каждого человека, и; б) социальной, в которой (или через которую) раскрываются её узко социальные широкие общественные роли, включая опыт поведения в той или иной социальной среде.

Несомненно, особый интерес вызывает психологическая подструктура. В свою очередь, элементами психологической подструктуры личности являются её психологические свойства и особенности, называемые чертами личности, или, как иногда более конкретно говорят — черты характера.

Психологическая подструктура является определяющей при установлении уровня личности каждого человека. Таких уровней четыре. Первый можно назвать биологиче-

ским уровнем. Он складывается из природных свойств типов нервной системы, возраста человека, принадлежности к определённой полу, препатологических (предваряющих патологические состояния) и даже патологических свойств психики, а также темперамента.

Второй уровень условно назовём индивидуальным. Сюда включены особенности протекания процессов, связанных с индивидуальными свойствами человека, которые присущи только этому конкретному человеку: особенности памяти, проявления эмоций, ощущений, способы мышления, восприятия, чувства, волевые характеристики.

Третий уровень связан непосредственно с социальным опытом. Этот опыт приобретает с учетом двух предыдущих уровней и характеризуется особенностями получения личностью знаний, навыков, умений и привычек.

Четвертый уровень можно назвать индивидуальной позицией личности. Эта позиция устанавливается путем социально-психологического анализа, когда оценивается направленность человека, учитываются его разнообразные влечения, желания, интересы, наклонности, сформированные идеалы, индивидуальное мировоззрение и понимание окружающего мира (ближнего окружения, окружения внешнего и социального окружения). В качестве высшей формы направленности оцениваются убеждения человека (дается не только их качественная оценка, но и степень уверенности в них, готовность их отстаивания, убежденность в собственных суждениях).

Важно подчеркнуть, что личностная структура человека существует не наряду с другими её компонентами и не в противопоставлении к ним (речь идёт о потребностях, целях, интересах, ценностях), а рассмотренные выше её элементы проникают во всю сложную систему сознания и самосознания человека. Именно потому и трудно дать ответ на, казалось бы, простой вопрос: что представляет собой человек и как и чем объяснить то или иное его поведение. Все дело в том, что человек существует как сложная и внутренне и внешне противоречивая самоорганизация. Вопреки устоявшемуся мнению, смею предположить, что нет никаких точных данных, чтобы ответить: чего же в этой самоорганизации больше — биологического или социального. Даже несмотря на известную аксиому, что человеческий мозг как система формируется только в условиях социальной среды⁷.

⁶ Кудрявцев В.Н. Указ. соч. С. 32, 33.

⁷ Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н. Генетика, поведение, ответственность. М.: Политиздат, 1989. С. 27.

Карл Юнг говорил: «Мой тезис... таков: помимо нашего непосредственного сознания, которое имеет полностью личностную природу и которое, как нам кажется, является единственной эмпирически данной психикой (даже если мы присоединим в качестве приложения личностное бессознательное), существует вторая психическая система, имеющая коллективную, универсальную и безличную природу, идентичную у всех индивидов. Это коллективное бессознательное не развивается индивидуально, но наследуется. Оно состоит из предшествующих форм, архетипов, которые лишь вторичным образом становятся осознаваемыми и которые придают определенную форму содержания психики»⁸.

Проблема заключается в том, что процесс формирования личности сложен, противоречив и, что самое главное, вряд ли до конца будет когда-либо познан. Между прочим, в этом есть значительная позитивная составляющая, поскольку, если бы было иначе, то все люди давно превратились бы в биороботов.

Одними из причин, почему люди не совершают преступления, особенно самые тяжкие и ужасные, является то, что человек наделен способностью любить, состраданием и жалостью. Эти особенности человека, как считается, его душевные качества, удерживают его от жестокости и насилия по отношению к окружающим. Но я неоднократно видел проявления тех же особенностей у животных, особенно у домашних. Значит, жалость и сострадание (так же как и в определенной степени разум) — это не монополия человека. И только жалостью и состраданием объяснить несовершенство людьми преступлений не удастся.

С другой стороны, большая часть преступлений, возможно, не совершалась бы, если бы человек точно знал, что за их совершение он будет осужден и строго наказан. Человек прежде всего дорожит своей жизнью, это самое ценное, что у него есть, тем более, что в отличие от тех же животных он понимает её конечность и надеется на покой и душевное равновесие (если, конечно, он не страдает психическими расстройствами). Важно то, что человек боится потерять жизнь. Вот то главное, что отвращает его от совершения преступления. При этом под боязнью потери жизни я имею в виду не наказание в виде смертной казни, а любое наказание. С моей точки зрения, любое наказание за каждое совершенное преступление — это потеря определенного жизненного отрезка у человека, от-

резка невозвратимого. Опасность такой потери — есть тот самый социальный тормоз, который сдерживает человека, задумавшего совершить преступление, от исполнения своего замысла. Понимаю, что сказанное банально, но тем не менее от этого оно не становится менее значимо: не суровость наказания имеет главное значение, а его неотвратимость. В этом смысле удивляет инертность и примитивность мышления при принятии решений о постоянном ужесточении наказаний за те или иные правонарушения: увеличить до невообразимых размеров штрафа, увеличить сроки лишения свободы и т.д. и т.п. Давно известно, что наибольшее количество краж на площади совершается в тот момент, когда на эшафоте палач отрубает вору руку, и обыватели глазуют на это. Прежде чем что-либо ужесточать, надо добиться правильного и справедливого исполнения действующих законов. Не потому люди совершают преступления, что не боятся строгости наказания, а потому, что надеются быть не пойманными.

В то же время человек принадлежит к определенному биологическому виду, и в этом смысле он — одинаков. «Большинство конвенциональных значений человек усваивает благодаря тому, что другие люди реагируют на его поведение стандартным образом»⁹. При этом обращаю внимание, что речь идёт о человеке вообще, а не о представителе определенного общества, нации, расы. Люди, вопреки своей кажущейся разнородности и разнобразности, в своём поведении — одинаковы. Живут одинаково (в семье, с детьми, имеют в том или ином виде крышу над головой), думают одинаково (как бы сделать так, чтобы жить лучше, а работать меньше), одинаково стремятся быть счастливыми и одинаково надеются, что их дети будут жить лучше их. Конечно, есть отличия, и есть неповторимые личности, которые только подчеркивают усреднённое поведение обычного человека, которое можно предсказать. Тем самым, я хочу сказать, что существует и усреднённый преступник, т.е. представитель тех самых обычных людей, который по тем или иным (тоже, кстати, вполне предсказуемым) причинам стал на противоправный путь.

Важно, разумеется, понимать, что усреднённое стандартное поведение можно рассчитать и предсказать только для конкретного времени и конкретных социальных условий.

Таким образом, исходя из портрета обычного рядового человека, можно достаточно

⁸ Юнг К. Аналитическая психология. М., 1997. С. 72.

⁹ Антонян Ю.М. Архетип и преступность. М.: Вече, 2009. С. 60.

точно описать портрет типичного преступника. Например, вот как должен выглядеть человек, склонный к совершению насильственных, возможно, серийных преступлений.

Это человек, испытывавший сильное душевное расстройство. С точки зрения психиатрии он находится в пограничном состоянии, которое при длительном невмешательстве неминуемо переходит в состояние фрустрации (от лат. *frustratio* тщетное ожидание, психическое состояние, возникающее в ситуации реальной или предполагаемой невозможности удовлетворения тех или иных личных потребностей). Его вяло текущая болезнь латентна. Он не имеет близкого человека, с которым мог бы поделиться своими переживаниями. У него нет нормального полового партнера. Он понимает свои проблемы, стыдится их и боится, что о них кто-нибудь узнает. Из-за этого он снова не может найти близкого человека. Он в замкнутом круге. Разочарован в жизни, потерял способность испытывать нормальные человеческие чувства по отношению к людям. Жизнь для него не имеет смысла и стала длящимся душевным страданием. При этом он несмел, боится боли, боится тех, кто заведомо сильнее его физически. Он замкнут, не имеет друзей даже по интересам. Может жить и не один, но редко выходит из дома. Социально пассивен, не честолюбив. Либо перебивается случайными заработками, либо имеет постоянную, но не высоко оплачиваемую работу, которую ненавидит (это очевидно для всех, потому что работает он плохо). Постоянно сидит за компьютером и просматривает социальные сети, хотя свой блог (англ. *blog*, слово, которое, в свою очередь, происходит от *web log* — интернет-дневник) не ведёт. В то же время может писать дневник или какие-либо художественные произведения, но прячет эти записи от всех. При этом считает себя недооцененным и искренне не понимает, почему он должен себя сдерживать в исполнении любых своих желаний. Полагает устройство общества неправильным и несправедливым, и не считает, что должен соблюдать принятые правила. К людям он либо относится безразлично, либо ненавидит. Он думает о том, как совершить своё первое преступление и не быть пойманным. Он лишен естественных социальных тормозов. Он безусловно социально опасен.

Как мне представляется найти такого человека среди простых обывателей несложно. Просто правоохранительная система построена не для этого. Об этом подробнее чуть ниже.

Можно по аналогичной схеме дать портрет корыстного преступника, хулигана, че-

ловека, склонного к сексуальным преступлениям и т.д. Типичный преступник, как и, строго говоря, типичный человек, как я говорил, предскажем. Типология, как форма обобщения накопленных знаний, как раз и нужна, чтобы на ее основании можно было говорить о различных направлениях изучения личности преступника, причём применительно не только к общему типу, но и конкретным категориям лиц, учитывая при этом признаки частного порядка. В стрессовых ситуациях, к которым относится и момент совершения преступления, человек действует определенным, часто типичным стандартным образом (как говорят, его поведение подчинено моторным инстинктам). Например, если человек поскользнулся, он инстинктивно пытается за что-нибудь ухватиться, если человек тонет, он хватается за другого человека, который пытается его спасти, и они тонут вместе, если в человека стреляют, он пытается уклониться, не задумываясь, что пуля, выпущенная в его сторону, может попасть в случайного прохожего, и т.п.

Понимание и использование типологии не только даёт возможность говорить о почерке преступника и его индивидуальной манере, но и указывает на тип личности преступника. Следовательно, следы преступления могут свидетельствовать о принадлежности преступника к тому или иному типу личности. Кстати, по этому основанию в своё время пытался типизировать преступников прокурор из г. Горького (теперь — Нижний Новгород) Л.Г. Видонов. Его большая (по значению) работа, основанная на обширном массиве эмпирического материала, как мне представляется, сегодня незаслуженно забыта¹⁰. Применение на практике его типовых версий по делам об убийствах дало поразительные результаты. Оказалось, что некоторые убийцы просто запрограммированы на совершение преступлений, если они в течение долгого времени живут в определённой социальной среде и ведут определённый, в основном, антиобщественный образ жизни. Например, расчленение трупа почти всегда совершается лицом, хорошо знавшим потерпевшего, обычно родственником. В случаях убийств подростков в возрасте 5–17 лет преступниками оказывались их друзья в возрасте 10–16 лет. Если убийства совершались в отношении молодых парней в возрасте до 23 лет где-нибудь в местах общего веселья (клубы, кинотеатры и прилегающая территория), то убийцы были

¹⁰ Видонов Л.Г., Селиванов Н.А. Типовые версии по делам об убийствах. Справочное пособие. Горький, 1981.

их приятели в возрасте 17–22 лет, проживавшие на расстоянии от 300 до 1500 метров от места совершения преступления. Когда погибли девушки в возрасте до 22 лет (причём от характерных множественных колото-режущих ран или многочисленных ударов), то их убийцами были молодые люди в возрасте 15–23 лет, которые были или их любовниками или несостоявшимися любовниками¹¹.

Криминология, как и прикладная в данном случае криминалистика, изучая личность преступника, исходит из признаков, которые имеют общий характер для всех однородных преступлений. Например, преступления объединяются в группы, в зависимости от объема совершенных преступлений, массы преступников. Так, в самостоятельную группу объединяются все разбои или, наоборот, в отдельную группу выводятся только разбойные нападения с применением огнестрельного оружия, или выводятся только разбои, совершаемые несовершеннолетними и т.д. При этом криминалисты полагают, что общие для группы преступлений признаки, соответствующим образом систематизированные и типизированные, составляют криминалистическую характеристику данного рода, вида или даже подвида преступлений. Об этом же говорят и криминологи, с той только разницей, что криминологи акцентируют внимание на личности преступника, точнее говоря, на типологии преступников. Криминологи пишут в таком случае о типичном портрете преступления, опираясь на то общее, что объединяет множество конкретных преступлений, в основном по способу совершения преступления, молчаливо соглашаясь, что эти способы — однотипны.

Криминологи тоже говорят о типичном портрете, но не преступления, а преступника. Таким образом, в криминалистике разработана информационная модель типичного преступления конкретного вида или рода, в которой особое место занимает личность преступника (личность здесь интересна с той точки зрения, какой способ совершения преступления она выбрала). А в криминологии разработана типичная модель личности преступника, в которой особое значение имеют поведенческие аспекты личности, включая также способ совершения преступления, но в этом случае способ совершения преступления интересует только как естественный финальный итог всего предшествующего поведения, логично и предсказуемо приведшего

к трагедии. Получилось так, что две смежные науки пришли к схожим результатам на основании типичного совершения преступления. А это типичное преступление совершила типичная личность. Просто в одном случае речь идет о преступлении, а в другом — о преступнике.

Если типичный преступник существует, значит, его поведение можно рассчитать. И такие попытки неоднократно предпринимались. Соответствующие разработки велись в своё время в ГУВД Москвы, в других научно-исследовательских учреждениях. Характерно, что результаты этих исследований широкой научной общественности не докладывались. Либо исследования закончились ни чем, либо, наоборот, исследователи пришли к таким выводам, которые предпочли не афишировать. Ведь и работа Л.Г. Видонова в течение долгого времени была под грифом «для служебного пользования».

Вообще математическое моделирование поведения человека возможно. Например, С.Г. Ольков предлагает некую формулу напряжения личности, которая говорит о том, в какой момент человек готов, при определённых обстоятельствах, к совершению преступления. Он утверждает, что когда общество «стягивается» (ужесточение правил поведения) или «растягивается» (расширение демократических процедур), в нём возникают центростремительные или центробежные силы, оно становится соответственно более авторитарным (общество стягивается) или анархическим (общество растягивается). Личностное напряжение каждого взятого человека это чутко улавливает, модифицируя поведение индивида в данном обществе и обеспечивая ему соответствующее приспособление к среде обитания. При этом формула напряжения наиболее рельефно показывает напряжение молодёжи. Хорошо известно, говорит С.Г. Ольков, что именно молодые люди составляют основу группы риска, подверженную к проявлениям противоправного поведения. Потому что функция напряжения любого индивида, развернутая во времени, будет давать максимальное напряжение на этом возрастном отрезке, о чём хорошо известно физиологам¹².

Мне представляется, что одна из задач современной криминологии — максимально приблизить науку к практическому воплощению достигнутых ею результатов. Сделать

¹¹ Видонов Л.Г., Селиванов Н.А. Типовые версии по делам об убийствах. Горький, 1981. С. 5–7.

¹² Ольков С.Г. Абсолютное и относительное напряжение личности и градиент счастья в исследовании преступного поведения // Актуальные проблемы правоведения. 2012. № 2–3. С. 133–132.

это можно, рассчитав математическую формулу типичного (стереотипного) преступника. Предвижу многочисленные упрёки, что это невозможно, поскольку каждый человек индивидуален, что учесть все факторы и варианты его поведения немислимо. Согласен с этими, а также ещё с тысячами подобных доводов. Но почему же всё-таки в определённой ситуации человек действует в большинстве случаев стандартно?

Между прочим, давно известен набор вопросов для типизации преступника, с которых начинается, как правило, первый допрос подозреваемого в совершении преступления. Впрочем, этот набор далеко не полон, что подтверждается следующим примером одного из вариантов опроса насильственного преступника.

Вопросы для составления криминологического портрета насильственного преступника.

- А) Пол.
- Б) Возраст.
- В) Место проживания.
- Г) Род деятельности.
- Д) Внешность.
- Е) Физическое здоровье.
- Ж) Семейное положение.
- З) Окружение.
- И) Психологические особенности.
- К) Особенности психики.
- Л) Мотив преступления.
- М) Длительность преступной деятельности.
- Н) Соучастники.
- О) Тип преступной личности.
- П) Способ совершения преступления.

Очевидно, что из этого перечня только вопросы А, Б, В, Г, Ж, Л (не всегда) обязательно задаются допрашиваемому лицу (если он подозреваемый или обвиняемый).

В конечном итоге разработка криминологического портрета преступника предназначена для того, чтобы на ранних этапах постараться предупредить совершение преступлений. Идея о прирожденном преступнике Ломброзо преследовала ту же цель и вечный вопрос о том, почему одни люди совершают преступления, а другие — нет, ставится тоже для этого. Человеческое общество пытается обезопасить себя от проявлений агрессии и поведения, нарушающего существующие правила поведения, со стороны своих членов, чтобы уверенно смотреть в будущее. Но именно этого и не происходит. В чём же дело? В том, что Ломброзо был прав, а мы до сих пор не в силах принять его пессимистические идеи о прирожденном преступнике, которого надо изолировать с момента его рождения?

Полагаю, что проблема в другом. Оставим на время личность преступного типа и посмотрим, как действует наша правоохранительная система. Даже приближенного взгляда на нее достаточно для того, чтобы понять, — она построена не то, чтобы для профилактики правонарушений и преступлений, но и не для, хотя бы, локализации преступных проявлений. Обратим внимание, какие данные собираются на преступника и на его окружение, которые уже попали в сферу действия правоохранительной системы (т.е. в данном случае мы говорим, что на стадии расследования конкретного преступления уже надо начинать заниматься предупреждением следующего, ещё не совершенного)? Но данные собираются минимальные. Что происходит потом с этими данными? Ничего. Они даже не исследуются, не говоря уже о том, чтобы постараться использовать их для немедленного тиражирования для тех правоприменителей, которые по закону должны стоять на переднем крае предупреждения преступлений (участковые инспектора, работники инспекций по делам несовершеннолетних и другие). Следовательно, правоохранительная система давно превратилась в исключительно карательную, которая борется не с преступностью, а с преступлениями и, более того, заинтересована в наличии тех самых преступников и совершаемых ими преступлений. Как всегда, ситуация парадоксальная, на грани абсурда, — правоохранительная система не заинтересована в преступности, в том смысле, что преступность — это социально негативное явление, которое мешает нормальному функционированию общества, но не может существовать без преступлений. Чем больше преступлений, тем больше выделяется денег на их раскрытие, тем надежнее штаты, тем выше заработная плата. В утешение себе и всем, могу сказать только, если это может нас хоть в какой-то степени успокоить, что точно такая ситуация: 1) произошла практически во всех странах мира; 2) всё это — не случайно.

В известной работе с примечательным названием «Борьба с преступностью как индустрия» (Crime control as industry, 1993) Нильс Кристи говорил: «Действия не являются, а становятся теми или иными. То же и с преступностью. Преступлений как таковых не существует. Некоторые действия становятся преступлениями в результате долгого процесса придания смысла этим действиям. Особенную роль играет при этом социальная дистанция. Эта дистанция усиливает стремление

трактовать определенные действия как преступления, а людей, совершающих такие действия, упрощенно считать преступниками»¹³. А дальше он говорит, к каким результатам приводит работа карательной системы применительно к борьбе с наркотиками. По его утверждению, война с наркотиками вымостила дорогу войне с той частью населения, которая признана наименее полезной и потенциально наиболее опасной. Своим существованием эти люди демонстрируют, что не всё организовано как надо в социальной структуре и в то же время они являются потенциальными источниками беспорядков¹⁴.

Этим примером я лишь хочу подчеркнуть, что сложная общность под названием человечество не может предложить хоть сколько-нибудь оптимальный вариант регулирования проблемы преступного поведения себе подобных. И проблема эта тем более кажется неразрешимой, что оценивать, что преступно, а что нет, какому наказанию следует подвергнуть виновного, а главное судить человека, будет точно такой же человек, возможно, с теми же самыми внутренними проблемами, которые привели преступника на скамью подсудимых. Человеческое общество своими противоречиями порождая всё новые и новые преступления, уходит от проблемы их разрешения, уповая только на репрессивные и запретительные меры. В этом смысле я говорю о неслучайности исключительно карательной сущности правоохранительной системы. Тот же Ломброзо говорил: ««Цивилизация чуть ли не ежедневно создает новые преступления, быть может, менее ужасные, чем прежние, но столь же, если не более, вредные»¹⁵. И что же изменилось с тех пор? Вместо того, чтобы хоть как-то пытаться разрешать социальные противоречия, вместо того, чтобы попытаться предупредить противоправное поведение конкретного человека, который ещё не потерян для общества, это самое общество всячески пытается отгородиться от преступного человека, при этом не знает, как это сделать. А поскольку оно не знает, как это делать, оно начинает бояться преступника и отгораживается от него многометровыми заборами и колючей проволокой.

Всё это привело к тому, что, как справедливо полагает Ю.М. Антонян вслед за Карлом Ясперсом, в современной цивилизации вместе с феноменальными успехами рацио-

нализации и универсализации утвердилось сознание грозящего хаоса, вплоть до страха утратить всё, ради чего стоит жить. Каждый человек, чтобы выстоять, должен напрячь свою рабочую силу до предела, работать все интенсивнее из боязни быть выкинутым за пределы круга своего социума¹⁶. И в этой постоянной борьбе человека за своё будущее он остаётся один на один сам с собой. У него складывается устойчивое убеждение, что никто ему не поможет. «Спасение утопающих — дело рук самих утопающих!» — лозунг современного человеческого общества.

При этом наблюдается извечная борьба, крайние формы обострения которой мы все наблюдаем воочию, между человеком и обществом, в котором он находится. «Человека можно обозначить как существо, находящееся в активном поиске оптимальных путей своего развития...»¹⁷. При этом у человека есть две возможности: либо остановиться в своем развитии и превратиться в порочное существо, либо полностью развернуть свои способности и превратиться в творца¹⁸.

Общество же не только не помогает развиваться человеку, но часто мешает ему, не видит его вместе с его мелкими, как представляется, проблемами. И поэтому человек, оставшись один на один с собой, замыкается в себе, и начинает ненавидеть не общество в целом (поскольку он не понимает, что это такое), а отдельные институты этого общества и вполне конкретных представителей этого общества, которые в результате и становятся жертвами его преступлений.

Никто из тех людей, кто в дальнейшем совершил преступление, не был запрограммирован на то, чтобы стать преступником, но многие из них неизбежно становились преступниками, потому что в конкретный период их жизни само окружение, само существование общественных институтов даже не подталкивало, а направляло их на преступный образ жизни. Подчеркиваю, я говорю не о близком окружении человека, я говорю об окружении общественных институтов, которые, похоже, созданы не для того, чтобы помочь человеку прожить достойную жизнь и развернуть его творческие способности, а создавать каждый раз искусственные барьеры для того, чтобы мешать человеку нормально жить и работать.

¹³ Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия. М., 2001. С. 21.

¹⁴ Кристи Н. Указ. соч. С. 70.

¹⁵ Ломброзо. Ч. Преступный человек. С. 48.

¹⁶ Антонян Ю.М. Множественные убийства: природа и причины. М., Логос, 2012. С. 103.

¹⁷ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., Республика, 1994. С. 222

¹⁸ Фромм Э. Указ. соч. С. 231.

Общество, в лице его институтов, которые создали люди для упорядочения отношений друг с другом, оказалось совершенно не готово к удовлетворению интересов отдельно взятого человека. Общество смогло за долгие тысячелетия своего существования только разработать некие правила поведения людей, смысл которых в результате свёлся исключительно к запрещению всего и вся. Получилось, что человек с момента своего рождения попадает в мир, в котором всё «нельзя», и это «нельзя» впитывается ему с молоком матери.

Я убеждён, что предопределённости к совершению преступления у человека с момента рождения нет. Человек рождается свободным, не испытывающим запретов, не понимающим необходимости собственных ограничений в чём-либо. И с момента рождения эти ограничения искусственно начинают ему насаждаться. Все последующее воспитание человека сводится к сознательному насаждению таких запретов. И в этом мне видится корень проблемы становления личности преступного типа. Сколько надо запретов и каких, — никто не знает. Общественные институты, а тем более государственные, часто вводят глупые и вредные запреты. Наивно при этом полагать, что все проблемы в семье. Не может спасти от этих опасностей никакая идеальная семья, да и сама семья при таких условиях не может никогда стать идеальной. Я думаю, что в каждом обществе, в каждом конкретном времени запретов должно быть именно столько, сколько нужно. Понимаю, что легко сказать, но трудно предложить, особенно сделать. Но каждый лишний запрет — путь к совершению преступлений.

Тем не менее надо с чего-то начинать, и я не вижу ничего другого, кроме как начать с создания профилактической системы против преступных проявлений. Это дело настолько же долгое, насколько дорогостоящее и насколько неблагодарное (в том смысле, что за раскрытие преступления получишь повышение по службе или внеочередное звание, а за несовершение преступления — ничего не получишь). Но каждое совершенное преступление, помимо того, что оно исключает из общества очередного его члена, — это преступление общества перед тем, кто преступил закон.

Таким образом, на вопрос о том, почему одни люди совершают преступления, а другие — нет, я предлагаю следующий вариант ответа. Потенциально каждый человек готов совершить преступление (как нарушение установленных запретов), и дело общества

не дать ему этого сделать. Нет прирождённых преступников, есть рождённые люди, готовые совершить преступление.

Человек создан для счастья, как птица для полёта, говорил В.Г. Короленко. Перефразируя этот парадокс (так назывался рассказ), скажу: Человек рождён свободным, чтобы не соблюдать никаких запретов!

При этом хотел бы подчеркнуть один важный момент. Я говорю об отсутствии предопределённости к совершению преступлений у человека, но это не означает, что я не разделяю позиции о природных, биологических особенностях человека, которые облегчают, склоняют его к совершению противоправных действий. В своё время только за то, что И.С. Ной заявил о необходимости изучения наследственной предрасположенности отдельных лиц к совершению преступлений, его подвергли остракизму¹⁹. Сейчас, как говорится, времена другие, но моя позиция заключается в том, что биологическая предрасположенность к совершению преступлений ровно такая же, как и любая другая (социальная, психологическая), может привести человека на скамью подсудимых, а может — не привести. Нет никакой предрасположенности, есть общественное обременение — не допустить, чтобы человек совершил преступление.

Существует много возможностей у человека не совершать преступления. Лица, склонные к корыстным преступлениям, могут начать заниматься коллекционированием, лица, склонные к бродяжничеству и связанными с этим преступлениями, могут начать путешествовать, лицам, склонным к насилию, можно порекомендовать занятия единоборствами с применением прямого физического контакта против соперника и т.д. На самом деле теория прирождённого преступника могла бы облегчить нам жизнь, при одном условии, что мы, как члены общества, расписываемся в собственной бесполезности.

Таким образом, задача общества, если хотите, человечества, объединённого в социальную общность, найти ключ к пониманию самых сокровенных желаний каждого человека. Мне могут возразить, что это непосильная задача. Отвечаю: *Viam supervadet vadens!* (Дорогу осилит идущий).

¹⁹ См.: Ной И.С. Методологические проблемы советской криминологии. Саратов, 1975.

Библиография:

1. Антонян Ю.М. Архетип и преступность. — М.: Вече. 2009.
2. Антонян Ю.М. Множественные убийства: природа и причины. — М.: Логос. 2012.
3. Видонов Л.Г., Селиванов Н.А. Типовые версии по делам об убийствах. Справочное пособие. — Горький, 1981.
4. Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н. Генетика, поведение, ответственность. — М.: Политиздат, 1989.
5. Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия. — М., 2001.
6. Кудрявцев В.Н. Борьба мотивов в преступном поведении. — М.: Норма, 2007.
7. Курташев В.Н. Психологический механизм юридической деятельности (личный аспект). — Ярославль, 2010.
8. Ленин В.И. Государство и революция // Полное собр. соч. Т. 33.
9. Ломброзо Ч. Преступный человек — М.: Мидгард. 2005.
10. Ной И.С. Методологические проблемы советской криминологии. — Саратов, 1975.
11. Ольков С.Г. Абсолютное и относительное напряжение личности и градиент счастья в исследовании преступного поведения // Актуальные проблемы правоведения. — 2012. — № 2–3.
12. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. — М.: Республика, 1994.
13. Юнг К. Аналитическая психология. — М., 1997.

References (transliteration):

1. Antonyan Yu.M. Arkhetip i prestupnost'. — M.: Veche, 2009.
2. Antonyan Yu.M. Mnozhestvennyye ubiystva: priroda i prichiny. — M.: Logos, 2012.
3. Vidonov L.G., Selivanov N.A. Tipovye versii po delam ob ubiystvakh. Spravochnoe posobie. — Gor'kiy, 1981.
4. Dubinin N.P., Karpets I.I., Kudryavtsev V.N. Genetika, povedenie, otvetstvennost'. — M.: Politizdat, 1989.
5. Kristi N. Bor'ba s prestupnost'yu kak industriya. — M., 2001.
6. Kudryavtsev V.N. Bor'ba motivov v prestupnom povedenii. — M.: NORMA, 2007.
7. Kurtashev V.N. Psikhologicheskii mekhanizm yuridicheskoy deyatel'nosti (lichnostnyy aspekt). — Yaroslavl', 2010.
8. Lenin V.I. Gosudarstvo i revolyutsiya // Polnoe sobranie sochineniy. T. 33.
9. Lombroso Ch. Prestupnyy chelovek. — M.: Midgard. 2005.
10. Noy I.S. Metodologicheskie problemy sovetskoj kriminologii. — Saratov, 1975.
11. Ol'kov S.G. Absolyutnoe i otnositel'noe napryazhenie lichnosti i gradient schast'ya v issledovanii prestupnogo povedeniya // Aktual'nye problemy pravovedeniya. — 2012. — № 2–3.
12. Fromm E. Anatomiya chelovecheskoj destruktivnosti. — M.: Respublika, 1994.
13. Yung K. Analiticheskaya psikhologiya. — M., 1997.

Материал получен редакцией 18 марта 2013 г.